

Глава 5. Цель и результат

Цель системы образования: нравственная и технократическая

В завершение книги мы опять вернемся к необходимости сформулировать цели образования, и начнем вот с чего.

В начале 20 века русский философ Сергей Иосифович Гессен написал обширный труд «Основы педагогики. Введение в прикладную философию». Название книги которую вы читаете созвучно с названием книги Гессена не случайно. И в книге Гессена и здесь сделана попытка посмотреть на проблемы педагогики сверху, с позиции философского осмысления главной задачи. Но есть большой вопрос, что считать главной задачей. Гессен подходил к решению этого базового вопроса с нравственной позиции. Стержневая линия его прикладной философии – это педагогика как процесс обретения человеком свободы, не через отрицание механизмов принуждения, а через их изживание.

Человек согласно идее Гессена станет по настоящему свободным, только когда он станет для этого достаточно сильным, что возможно только через приобщение к культуре национальной и общечеловеческой. Отсюда в последней главе книги Гессена дается наиболее общее определение задачи образования, как задачи вхождения в культуру. От его неприятия простого отрицания принуждения исходит критика принципов свободного воспитания Руссо и педагогики Яснополянской школы Льва Толстого, как систем исходящих из невозможного. Гессен настойчиво, последовательно и в высшей степени убедительно развивает свое понимание свободы личности проводя его через все ступени системы образования, от дошкольной, до университетской.

Столь точно выстроенная логика и большой фактический материал прокладывают путь к окончательному выводу столь твердо и уверенно, что будет трудно найти контраргументы, если таковое желание и появится. Точная формулировка вывода и безупречная цепочка рассуждений Гессена хороша, но остается некоторое послевкусие. А точно ли свобода первых глав Гессена и свобода последних глав это одно и то же. Не выхолащивается ли это понятие изживанием такого большого количества препятствий. Может быть более точно было сделать вывод о том, что хорошо образованный человек становится хорошо организованным и способным противостоять внешнему влиянию. А что это такое – свобода или уже ее суррогат? И вообще, насколько содержателен и осмысленен этот термин – свобода.

Возникает ощущение, некоторой недоговоренности в посылах нравственной цели. Образно говоря, если есть некий устав и человек получает шишки и тумаки пока не научится действовать согласно уставу, но когда устав выучен и понят, то человек получает ощущение свободы от шишек и тумаков, уже не замечая того, что фактически он начинает просто ходить в едином строю. Это конечно очень сильное упрощение философии Гессена и может возникнуть закономерный вопрос о том, правильно ли понят Гессен. Действительно приобщение к культуре и устав это разные термины. Но насколько? Отличие между ними количественное или качественное?

Ведь в конечном итоге и общечеловеческая культура и устав, пусть даже строевой устав устанавливают рамки поведения человека, в этом их цель. Широта рамок культуры вещь достаточно обманчивая. Культура велика потому, что она описывает всю жизнь и все способы взаимоотношения человека с миром, в этом ее отличие от строевого устава. А это отличие не качественное, а количественное. Свобода же термин, в принципе описывающий состояние отсутствия рамок. И если человек необразованный не знает рамок и от этого зарабатывает тумаки, а человек образованный приобщился к культуре, знает рамки и от этого успешен и живет в безопасности, то нужен ли термин «свобода»

для описания его состояния. Мы говорим о свободе, но одновременно и о массе разных потребностей. Есть потребность базовых традиционных ценностей, без которых общество погибнет, необходима культура общности, необходима профессия и она обязательно должна иметь общепринятую общественную полезность. Список может быть очень длинным. Все в это списке будет с приставкой «Необходимо», но тогда повторим вопрос – причем же здесь свобода? И где она здесь?

Но у Гессена, есть и чисто технократический подход следующий из его же общей логики. А именно, оказывается огромное значение имеет то как работает механизм системы образования, то как учат, чему учат, как организованы учреждения образования. А необходимо это все для того, чтобы человека ввести в общественные процессы, сделать его их полноправным участником. Так может быть нравственную цель вполне можно так и сформулировать как переход из состояния чужеродности культуре через состояние ее принятия в статус ее творца.

Состояние чужеродности означает полную зависимость, если человек игнорирует культуру, это не означает, что культура будет игнорировать его. Состояние принятия означает относительную зависимость, так как принятие норм культуры заключается в принятии всевозможных рамок. Статус творца означает относительную свободу, так как у процесса творчества культуры, ее развития, есть своя внутренняя логика, свои внутренние законы развития. Конечно творец поднимается в определенном смысле над рамками предписанными культурой, но не над законами ее развития.

Приобщение к культуре, не сам факт а процесс, предполагает овладение интеллектуальными инструментами познания достижений культуры. В общем об этом вся книга, но есть смысл взглянуть на вопрос сверху и дать самое общее представление о познавательной деятельности человека и самое общее представление об его образовании.

Четыре способа познания

Человеку свойственно экспериментировать, задавая окружающему миру вопросы, формулируя гипотезы и оформляя их в случае подтверждения в теории, позволяющие предсказывать будущее. Это проявление научного метода мышления. Человеку свойственно эстетическое восприятие мира, дающее ощущение целостности и гармонии. Познание через восприятие красоты окружающего мира несомненно способ интегрального познания.

Далее, вокруг человека очень много того, что он воспринимает, но не может понять сейчас, или даже в принципе. Отсюда возникает идея высших сил, на которые, образно говоря, списывается все непонятое наукой, что составляет познание религиозно-мистическое. И наконец, в процессе выстраивания полученных знаний в систему человек поднимается все выше и выше по лестнице обобщения и абстракции и приходит к уровню на котором все способы познания вливаются в общую картину, описание которой уже дело философии.

Четыре способа или формы познания формируют и соответственно способы поведения, взаимодействия с внешним миром природы и миром человека. Необходимо также отметить, что все сказанное присуще каждому человеку. Не надо быть ученым, для того, чтобы в какой-то степени использовать научный метод. Эстетическое восприятие очевидно присуще каждому из нас, вопрос только в его смысле и функции. На мистически религиозное познание у верующих в бога нет монополии. Если внимательно подойти к этому вопросу, то в интеллектуальной картине мира у каждого человека есть области заполненные действием высших сил. Их можно называть по-разному, но они есть. И наконец если философию в самом общем смысле понимать как способ кратко описать самые общие принципы своей интеллектуальной картины мира, то есть все мы неизбежно философы.

Все мы владеем в той или иной мере четырьмя способами познания. Это важное замечание. Также необходимо отметить, что это не есть независимые и отдельно определяемые способы, а лишь четыре ипостаси, четыре проявления одной общей познавательной способности. Попробуем осмыслить эту общую познавательную способность и то, каким образом она распадается на четыре различно определяемых.

Можно с уверенностью предположить, что природа нашего интеллекта синтетическая. Есть в нас какая-то конструктивная особенность заставляющая видеть вокруг цельную картину, в которой все присутствует в явном виде и все имеет свое объяснение. Даже органы чувств поставляют интеллекту уже синтетическую картину. Поэтому слушая музыку мы воспринимаем ее целостно, а не как группу отдельных звуков, такова же ситуация и со зрительной картиной. Мы видим цельно, поэтому и появляется необходимость в специальных практиках концентрации внимания на отдельных предметах.

Можно даже сказать, что и любая наша наука, любой раздел образования – это своего рода йога, учащая концентрироваться на частном, выделяющемся из общей картины. То есть анализ вторичен, он есть средство упорядочивания и достраивания цельной синтетической картины.

Но есть проблема. Полная, прозрачная, абсолютно ясная синтетическая картина мира невозможна. Мы ее хотим, но она невозможна. И вот тут то и проявляется религиозно-мистическое мышление. Мы приходим к единственно возможному выводу о том, что все что нами непонято есть действие высших сил. Высшие силы всего лишь термин. Понятно, что они есть, если их определить, как что-то очень мощное, способное создавать то, что мы наблюдаем. Это не обязательно идея бога. Можно верить в единую теорию поля, в Большой взрыв, компьютерную матрицу и т.д.

Главная идея высшей силы это моментальное и простое объяснение всего наблюдаемого. Тем самым человек удовлетворяет свою базовую потребность в мировоззрении, что создает душевный баланс, у него все же уже есть синтетическая картина на построение которой нацелен интеллект, а значит уже есть что анализировать, есть что-то такое на чем можно концентрировать внимание, совершенствуя и усложняя такую простую, но не слишком детальную картину.

Вторая проблема в том, что человек обязан действовать, активно строить свой мир, отдельный от природы, для чего необходимы знания позволяющие прогнозировать результаты своих действий. То есть возникает потребность в детальном описании мира увязанном причинно-следственными связями, так мыслящий человек неизбежно приходит к научному методу. Работая как ученый он создает гипотезы, развивает их в теории, теории дают следствия, или можно сказать предсказания событий состоящих от своих причин во времени, что дает возможность их проверки. Если проверка дает положительный результат то теория становится истинной в определенных пределах.

Знание получаемое научным методом развивается в направлении обобщение и абстракции для чего реальные явления и объекты замещаются понятиями о них, то есть реальность выражается в символах, а связи между символами реальности это связи логического следования, замещающие уже причинно-следственные связи. Таким образом научное познание это неизбежно познание не мира, а его модели, поэтому не существует абсолютной научной истины, об этом даже некорректно говорить. Существует только модель, которая в той или иной степени чему-то соответствует в реальности.

Расширение научного знания порождает целый ряд серьезных проблем. Нас начинают интересовать критерии истинности научных теорий, границы познания, насколько вообще мир познаваем научным методом, и что остается вере в высшие силы. Второй вопрос это вопрос окончательный, вопрос завершения науки и естественно он не решается в рамках научного метода. Вопрос критериев выглядит проще. Частные вопросы истинности решаются экспериментом. Но насколько выстроенная нами теория соответствует чему-либо в реальном мире? И здесь, может быть для кого это окажется

достаточно неожиданным выступает чувство прекрасного, чтобы под этим словом не заключалось.

Это действительно удивительное чувство, оно присуще в той или иной степени каждому человеку, а его странность состоит в том, что оно как кажется совершенно не имеет прикладной направленности. Наша жизнь прежде всего жизнь материальная, и в этой материальной жизни нет места произведениям великих художников, композиторов, вообще нет места красоте и гармонии открывающейся искусством. Поэтому искусство воспринимается как надстройка появляющаяся тогда, когда материальные потребности удовлетворяются достаточно полно и можно заняться чем-то, что не очень нужно, но как бы выражает собой высокий уровень духовного развития.

Ну чувство красоты имеет вполне прикладное значение, как познавательный инструмент. Не случайно же чисто математическое «Золотое сечение» есть основа красивого человеческого тела. И не просто так скульптуры древних мастеров идеально подчиняются этому соотношению. И не просто так математики – представители самой абстрактной области знания совершенно серьезно говорят о красоте математических законов. А математика, давайте вспомним не что иное, как язык научного метода.

По видимому между законами устройства мира и принципами эстетики есть глубинная связь, то что истинно в каком-то смысле, воспринимается нами как проявление красоты и гармонии. И это проявление настолько сильно, что мы готовы принимать его как критерий истины. В общем, чтобы быть истинным закон, формула, теорема должны быть красивыми. Почему так?

Попробуем выдвинуть разумное предположение. Во-первых, еще раз повторим, наш разум устроен синтетически и стремится воспринимать мир как единое целое. Во-вторых, понятие истины относится к понятийному знанию, то есть знанию довольно высокого уровня абстракции. То есть истина это не непосредственно воспринимаемая сущность, а сконструированное разумом понятие и сконструированное на основе принципов заложенных в структуру интеллекта. Так вот разумное предположение заключается в следующем – красивым считается то, что соответствует принципам построения интеллекта. Эстетика это своего рода вкусовое качество. Удовлетворить потребность в еде можно по разному, но организм каким-то образом чувствует, что ему надо и правильная пища ощущается как вкусная. Также и знание, наиболее качественное знание оно «вкусное» то есть наиболее соответствующее внутренним предпочтениям разума. И еще одним момент – чем более глубокие закономерности охватывает знание, чем оно лучше охватывает большую панораму мира, тем оно «вкуснее».

И наконец философское осмысление. Человек исследует различные области знания и в каждой из них находит какие-то закономерности, законы, выводит общие понятия, выходя на все более и более абстрактный уровень. В этом процессе появляются смысловые связи между областями знания, которые, таким образом, постепенно сливаются в одну общую и вполне закономерную картину мира. С какого-то момента человек обнаруживает, все более и более ясно, что существуют наиболее общие принципы на которых строится его личная картина мира, выявление этого наиболее общего и становится его философией. Конечно, как есть профессиональные ученые, так есть и профессиональные философы, но есть уровень на котором каждый из нас ученый и каждый из нас философ, ровно настолько, насколько мы ощущаем в себе потребность в научном и соответственно философском осмыслении наблюдаемого.

Замечание о педагогической задаче. Выше были рассмотрены способы познания мира. Каждый из них является необходимой частью мыследеятельности и чувствования развитого человека. Отсюда появляется желание выделить педагогическую задачу, разработать методы обучения и т.д. Но педагогика здесь есть, а отдельно задачи в силу того, что развитие способности к познанию в любой его форме – это одна из самых общих педагогических задач решаемых общей постановкой дела, а не применением каких-либо специальных методов.

Воспитание тела

Организм человека точно также требует внимание к своему развитию, как и ум, как и нравственность и духовность. Это очевидно, настолько очевидно, что похоже для многих эта тема считается закрытой и полностью разрешенной и даже более того не вполне педагогической. Однако это все же наша задача, так здоровое, крепкое тело способное много работать и получать от жизни радость это база любой педагогики, а разве можно игнорировать то, что составляет основу педагогического успеха. Поэтому повторимся, это вполне наша задача.

Что же касается ее разрешенности, то можно вспомнить, что человек вообще пока задача не завершенная и неразрешенная, поэтому любые педагогические вопросы имеют начало, путь развития, но врядли они имеют окончательное решение. Это же самое с полным правом относится и к вопросу воспитания тела.

Антипедагогическая задача

Мы все знаем, что в здоровом теле, здоровый дух. Но что на самом деле это означает и самое главное, как воспитывать по настоящему здоровое тело. Начнем с критики, так как в современном мире понимание здорового тела сильно искажено совершенно безумным креном в сторону спорта и даже более того, спорта профессионального. В пользу спорта приводятся следующие аргументы: спорт раскрывает возможности человеческого тела, спорт – есть пропаганда здорового образа жизни

Но даже этот, как кажется железный аргумент в защиту спорта вызывает большие сомнения. О каких возможностях идет речь – наверное о том, что может тело в условиях пожизненных непрерывных тренировок и особом стиле жизни исключаяем всякую другую деятельность, а может быть о том, что может человеческое тело в условиях экстремальных нагрузок при работе всего организма на износ? Где тут здоровый образ жизни? Надо ли это нормальному среднему человеку имеющему семью, занимающемуся содержательной работой, дающей пользу обществу и государству и приносящей необходимый доход его семье.

Видимо нет, не надо. Видимо спорт на самом деле – это просто самое массовое шоу когда-либо придуманное людьми. Задайте себе вопрос. Если из спортивных соревнований убрать кубки, медали, гонорары за участие и за победу, убрать многотысячные стадионы так ласкающие зрение человеческой амбиции и жажды славы, то много ли останется желающих этим заниматься?

А пока продолжается погоня на кубками, медалями, во что уже полностью втянулась и система дополнительного образования в лице своего спортивного компонента. Надо признать, что сегодня хороший тренер – это тренер сумевший поставить на поток подготовку чемпионов, а спорт это стремление к победе над возможно большим количеством соперников и признании себя самым сильным, самым ловким, самым быстрым. Конечно это все не про педагогику и не про подготовку человека к реальной жизни.

Поддержание и восстановление энергетического потенциала

Поговорим о том, что на самом деле нам всем необходимо от своего организма. Ответ очень простой – выдерживать определенную нагрузку в течении рабочего дня. Не

запредельную и трессовую, а достаточно обыкновенную, но выдерживать ее ровно, хорошо, без чересчур большой усталости к его концу. Человек должен войти в свой вечер не падая с ног, у него должны остаться силы и энергия, для личных занятий, для общения с семьей, тело должно обеспечивать своему хозяину нормальное жизнеобеспечение от пробуждения до следующего сна.

Организм должен уметь полностью восстанавливаться во время сна и достаточно хорошо во время небольших отдыхов в дневное время. На длительном периоде совершенно необходимо уметь не болеть, а если уж это случилось, болеть как положено здоровому человеку, по плану – значит так, сегодня мы начали болеть, завтра у нас планируется кризис и через несколько дней мы опять на ногах. Идеальная задача - полностью изжить тяжелые и хронические заболевания. Человек должен жизнь прожить и войти в свою старость с запасом энергии и здоровья не проводя остаток жизни на таблетках и в больницах. Артистка Ольга Аросева как-то сказала очень хорошую мысль – «Старость – это благо которое дается не каждому». Это действительно так, а жаль, что пока мы не умеем по другому. Такова задача воспитания тела – прожить жить достойно, сделав все, что человек может и умеет.

Конечно это не задача традиционной педагогики, так как мы ее понимаем. По традиции педагог обращает свое внимание на интеллект, нравственность, государственную и общественную потребность, но никак не на тело, отдавая это медицине, гигиене, и спорту. Но проблема в том, что педагогические идеи и методы не работают на хилом, больном теле, даже в теле может быть и относительно здоровом, но не имеющем достаточной энергетике для развития личности. А любым процессам, даже глубоко личностным нужна энергия. Образно говоря, нам необходимо, чтобы человек, особенно молодой вставал с постели бодрым, жизнерадостным и готовым к борьбе за свое светлое будущее, и непонятно на каком основании педагоги отнекивается от того, что является пусть не достаточной, но совершенно необходимой базой успеха.

Конечно я не том, что педагоги должны заниматься изобретением оздоровительных методик, я о том, что люди которые умеют это делать профессионально должны стать педагогами.